

Дмитрий Видинеев

Свист в голове

Муза - та ещё тварь

18+

Дмитрий Александрович Видинеев

СВИСТ В ГОЛОВЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63042053

SelfPub; 2020

Аннотация

Музы, которые продаёт Дьявол – ущербные. Эти твари сводят с ума. Они свистят в голове, свистят, свистят!..

Муза совсем охренела, плагиатора из меня сделать хочет. Недавно всю ночь за роялем сидел, музыку сочинял. И сочинил! Достойная вышла музыка, красивая и мелодичная. Под утро спать довольный лёг, с гордостью за себя. А когда днём проснулся, понял: лажа вышла, причём конкретная. Похожую музыку уже Эндрю Ллойд Уэббер сочинил до меня, сволочь. Ну какого спрашивается?..

Впрочем, ладно, он, в конце концов, не виноват.

Муза, сука, виновата!

Полный негодования нотную тетрадь ножницами изрезал, клочки сжёг, а пепел в окно выбросил. Вот так я поступаю с плагиатом. У меня творческое воровство, как и китайские подделки, вызывает полное отторжение.

А вообще – обидно до слёз. Эта Муза недоделанная мне ведь не бесплатно досталась. Я за неё душу продал спьяну.

Бухал как-то с одним бомжом возле вокзала, и после второго пузыря гляжу, а у собутыльника моего нечистого в глазах темнота космическая.

– Ты Дьявол? – спрашиваю.

Он кивнул, а я обрадовался – спьяну всё в радость, даже Дьявол. А собеседника лучше и не найти: мычит, пьёт и кивает, во всём с тобой соглашаясь. Тогда он мне показался славным парнем, хоть и вонючим.

Я ему пожаловался, что кризис у меня творческий, с самого детства почитай. А ведь когда маленьким был, я хоро-

шую музыку сочинял. И играл её на стареньком, начищенном до блеска пионерском горне. Бабушка была в восторге, говорила, что я очень талантлив. Хотя и полуглухая, а слышала в моей музыке прекрасное.

Тогда-то я и решил стать композитором.

Нотную грамоту изучил. А когда мне исполнилось тринадцать, папа взял деньги, которые бабушка отложила на скорбный день, и купил мне рояль – чёрный, блестящий как лакированный башмак. А себе купил белый "запорожец" и укатил на нём в неведомые дали. Больше я его не видел. Так и остались мы одни – я, бабушка и чёрный рояль.

Шли годы, но мечта стать великим композитором меня не покидала. Вот только Муза... она избегала меня всячески, будто я прокажённый какой-то. Порой сутками не отходил от рояля, всё сочинял, сочинял, и записывал ноты. А в итоге получалась банальщина, достойная разве что отечественной попсы.

Другой бы руки опустил, но только не я.

В минуты отчаяния наливал себе стаканчик водки и вспоминал бабушку: вот она сидит в плетёном кресле-качалке, прижимает к груди пустую пистолетную кобуру, с которой никогда не расставалась – память о службе в КГБ, – и с одухотворённым лицом слушает звуки моего горна.

Это всегда помогало воспрять духом. Жаль только, что я давно позабыл ту, сочинённую в детстве музыку. От неё остались лишь ощущения – тонкая связующая нить между

далёким прошлым и настоящим.

Дьявол слушал меня и кивал.

– Хочешь мою душу за Музу? – спросил я.

Он осушил пластиковый стаканчик и промычал что-то невразумительное. Тогда я добавил к душе бутылку водки и банку килек в томатном соусе.

На том и сошлись.

Вот такая вышла сделка, без особых условий и подписей кровью.

Кто же знал, что он мне Музу ущербную подсунет? До неё я хоть и слабую музыку сочинял, зато свою. А теперь... После того случая с Уэббером я записал в нотную тетрадь "Лунную сонату" и какое-то время даже верил, что это моё!

Муза ко мне во сне приходила. Мерзкая дамочка. Размалёванная как придорожная шалава, с рожей пропитой. А ещё она курит трубку и хохочет без повода. И вот за это я отдал душу, бутылку водки и банку килек в томате?

С ума она меня сводит, заставляет делать странные вещи. Зла мне желает. Сидит в моей голове и насвистывает мелодии. А я записываю их в тетрадь, записываю как безвольная марионетка, и сам себя ненавижу за слабость, за апатичную готовность подчиняться.

И даже водка не помогает.

Сосед, мексиканец по имени Карлос, таблетки дал мне синие, которые называет "кастанедками". Он химик, делает их сам – очень талантливый малый. Но и они больше не помо-

гают. Когда сжигаю записанный плагиат, Муза хохочет в моей голове, свистит и скребёт ногтями мозг. Хохочет, гадина, свистит и скребёт!

Я чую вонь её табака, постоянно чую.

Вчера сосед дал мне новые таблетки, чёрные. Он назвал их "Дары Дагона" и сказал что его подопытная обезьянка от них в восторге. Я сожрал сразу десять. Муза бесится, ей не нравится, хочет заставить меня сунуть пальцы в рот, но я пока держусь. Вот и отлично. Проглотил ещё три, запил водой. Хорошо пошло. Ещё две – вообще класс!

Она больше не свистит, сдалась сучка!

На радостях отыскал в шкафу горн, вышел на балкон.

Мой старый двор внизу. Весна. Сирень цветёт и благоухает. Вечернее солнце в окнах.

А вон и бабушка моя, сидит в кресле-качалке, прижимает к груди пустую кобуру, улыбается, рукой машет.

Я помахал в ответ.

Старики играют в шахматы на скамейке. Толстая соседка, которая померла давно, возвращается с кошёлкой из магазина.

А там, возле песочницы, моя первая любовь, девочка с косичкой и в белом платье. Когда ей исполнится двадцать пять, её забьёт до смерти клиент-извращенец, а сутенёр вывезет труп за город и бросит в канаву. Но сейчас она жива и чиста как летний дождь.

Ого, вы только гляньте, во двор въезжает белый "запоро-

жец", из него выходит отец. Он ни капельки не постарел, ну надо же! Как и бабушка машет мне рукой и улыбается. Я не держу на него обиды, сейчас – нет.

А там, на качелях, сидит мама, которую я знал только по фотографиям. Боже, как же я рад её видеть!

Мои старые друзья на великах. Дети ещё. Катаются себе беззаботно, смеются. А кто-то носится, пытаюсь сбить футболкой майского жука.

И Дьявол здесь.

Стоит посреди двора и смотрит на меня бездонными глазами. Он больше не выглядит как бомж. На нём лиловый фрак, галстук-бабочка, а на голове цилиндр. В одной его руке бутылка водки, а в другой банка с килькой.

Ну что же, я и его рад видеть.

Он разбивает бутылку вдребезги, освобождая мою душу. Она теперь свободна.

И я трублю в горн, чувствуя, как за спиной растут крылья. Солнце играет на меди, а я играю ту самую, давно забытую музыку из далёкого прошлого – торжественную, мощную.

Взмах крыльев – и ноги отрываются от пола.

Я лечу над пропитанным запахом сирени двором.

Над домами.

Всё выше и выше...

А те, кто остался внизу, машут мне вслед. Но мы скоро встретимся вновь, я чувствую.

И не прощаюсь.